

ЗАВТРАК НА РУИНАХ

Майкл Муркок

Перевод Виктора Беньковского

Глава 13

ВЕЧЕРИНКА В ОСВЕНЦИМЕ: 1944: СКРИПКА

Война в Европе шла к концу. Тем не менее, в воздухе пахло кровью. Стало ясно, что фашисты потерпели поражение, однако их лидеры все еще оставались в живых. Даже теперь было непонятно, представится ли выжившим нацистам еще одна возможность захватить власть, или их удастся быстро и навсегда обезвредить, объявив военными преступниками. Это казалось простым лишь на первый взгляд. Даже с совершенно явными военными преступниками, такими как Геринг, Розенберг и другие, возникали сложности. Были ли они

в самом деле виновниками чудовищных преступлений или просто выполняли приказы?

Передо мной двенадцать досье из небольших, забытых богом французских деревушек, а также из некоторых других мест, более известных. Это основанные на показаниях очевидцев беспристрастные отчеты о событиях, произошедших во время немецкой оккупации. Массовые убийства людей в Дэн Ле Пляж 26 июня 1944 года, уничтожение деревни Манле 31 июля 1944 года, пытки и казни в гестаповских застенках в Каннах — и так далее, и так далее... Иногда удавалось обнаружить и обнародовать имена

местных нацистов, ответственных за свершенное, но чаще всего виновников как бы «не было». Весь ужас этих холодных перечислений становится понятен при взгляде на фотографии, приложенные к досье. Фотографии эти трудно описывать. Здесь можно привести лишь две или три, самые невинные. Нацистам нравилось фотографироваться рядом с агонизирующими жертвами пыток. То, что являлись фотографии, было не просто преступлением, а страшной деградацией человека. Все самые ужасающие инстинкты, которые дремлют в нашем подсознании, вдруг вышли на поверхность. И это было отнюдь не возвращением к дикости, ибо дикарям вовсе не свойственна подобная холодная бесчувственная жестокость в сочетании с полнейшим бесстыдством и академической образованностью.

Досье, что лежат передо мной, — французские. Но то же самое повторялось в каждой стране, оккупированной немцами, а также в странах-союзниках Германии. Аресты, депортация, допросы и экзекуции проводились с нарочитой, предельной жестокостью, всегда с оттенком какого-то утонченного сладострастия. Все эти методы, как, кстати, и концентрационные лагеря, были нацелены на уничтожение веры в демократические ценности, на полное и безоговорочное подчинение нацистскому террору.

На какое-то время это удалось. Те, кто никогда не жил под властью нацистов, даже удивляются, почему тем, кто попал под эту власть, удалось продержаться так долго. И не скоро еще — по крайней мере, явно не в ближайшее время — из душ людей будет искоренен страх перед нацистским чудовищем. Война с нацизмом закончится лишь тогда, когда миллионы людей в европейских странах, перенесших оккупацию, вновь не поверят, что демократические правительства могут защитить их права и что нарушители этих прав понесут заслуженное наказание. Одну страшную вещь нацистам все-таки удалось сделать. Им удалось внедрить в сознание европейцев понятие «недочеловек» (Untermensch). Людям, находившимся на оккупированных территориях, теперь предстоит пройти своего рода обряд экзорцизма, чтобы изгнать внутреннего «недочеловека». Только после этого Европа сможет обрести мир.

«Пикчур Пост», 23 июня 1945 года

— Никогда больше так не шути со мной, ты, маленький белый ублюдок!

Карл вытягивает руки.

— Я теперь черный ублюдок.

— Ну, мы это вскоре исправим.

— О, проклятье! Мне будет жаль, — говорит Карл. — А может, не надо?

— Ладно, — угрюмо говорит его друг. — Похоже, ты и в самом деле помаленьку расстаешься со своими старыми привычками.

Карлу восемнадцать лет. Он счастлив, как, впрочем, и все остальные музыканты оркестра. Когда в свое время Карл не хотел учиться музыке, мать говорила: учи, мол, учи, никогда не знаешь, что в жизни пригодится. Она была права. В бараке восхитительно тепло. Карл надеется, что танцы продлятся всю ночь.

— Пойдем в постельку, — говорит Карл, — ну, пожалуйста...

— Я-то думал, что ты простой неиспорченный смазливый парнишка, — говорит чернокожий. — Это меня в тебе поначалу и привлекло. Увы, я ошибся, признаю.

Карлу восемнадцать лет. Он играет Иоганна Штрауса. Как прекрасно! Как любила Штрауса его мать! В глазах у Карла слезы. О, если бы этот танец длился вечно! Освенцимский вальс.

— Ну что я могу поделать? Я был не в себе, — говорит Карл, — когда ты меня встретил. Думаешь, с чего я потащился в испанский сад?

— Все-таки, — говорит его черный приятель, — мы с тобой до сих пор почти ничего не знаем друг о друге.

Карлу восемнадцать. Недавно его матери сделали укол, и она умерла. Отец, по их с матерью предположению, был убит в Испании. Карл сидит за ширмой вместе со всем оркестром и играет на скрипке.

Играть на скрипке — это его работа здесь, в Аушвице. Хорошая работенка, непыльная. Карл безумно рад, что удалось ее получить. Другим куда меньше везет. К тому же на улице такая холодина. Актный зал в большом бараке был жарко натоплен для рождественских танцев. Здесь была вся охрана и все свободные от службы офицеры со своими подружками или женами. Они веселились, несмотря на то, что пайки были безбожно урезаны.

Карл видел их всех сквозь щелочку в ширме, вместе с оркестром, наверное, в десятый или пятнадцатый раз за вечер играя «Голубой Дунай». И кружились, кружились коричневыми и серыми мундиры, кружились, развеваясь, юбки. Каблуки ритмично притопывали по некрашеным доскам пола. Пиво лилось рекой. Все шутили, смеялись, пели, веселились. А за кожаными

поднимающимся экраном, одолженным у соседей, все играл и играл оркестр.

На Карле два свитера и толстые вельветовые штаны. Но, честно говоря, второй свитер не нужен — так жарко в бараке. Нет, что ни говори, сейчас Карлу живется в лагере куда лучше, чем поначалу, когда их с матерью привезли сюда. Впрочем, их сразу разлучили. Сначала было жутковато видеть лица соседей по бараку, старожилы лагеря. Понятно, что пройдет совсем немного времени, и ты станешь подобен им, потеряешь всякое достоинство. Поначалу Карлу пришлось туго. Ни дня не проходило без унижений. Но затем ангел-хранитель вспомнил о нем и подкинул хорошую идею. Будучи весьма посредственным скрипачом, Карл зарегистрировался как профессионал. И уловка сработала.

Конечно, за время жизни в лагере Карл изрядно потерял в весе, чего и следовало ожидать. В конце концов, этой зимой никто здесь не жировал. Зато ему удалось сохранить достоинство и жизнь. И в ближайшее время изменений в его положении не предвиделось. Охранникам нравилось, как он играет. Баха и Моцарта они, честно говоря, недолюбливали, впрочем, как и он. Карл всегда любил легкие веселые мелодии.

Карл закрыл глаза. Он продолжал играть вслепую. И блаженно улыбался.

Когда он открыл глаза, оркестранты не улыбались. Они все смотрели на него, на Карла. Карл снова закрыл глаза.

— Уж не хочешь ли сказать, что в жизни ты победитель? — спрашивает Карла приятель.

— Нет. По всему видно, что я неудачник. Да, впрочем, как все мы. Или не так?

— Ой ли? Если тебя соответствующим образом подбодрить, ты мог бы стать победителем. Ну, скажем, под моим руководством.

— Ну, я не знаю. Ты, наверное, заметил, что я подвержен депрессиям.

— Я о том и говорю. Просто тебя никто никогда не подбадривал. Я люблю тебя, Карл.

— Любишь для себя? Любишь свою любовь?

— Конечно. Кстати, я пользуюсь влиянием. Я мог бы устроить тебя на высокооплачиваемую работу. Ты бы разбогател.

— Не откажусь.

— Если я дам тебе кучу денег, что ты будешь делать?

— Не знаю. А что, надо отдать ее тебе назад?

— Да я не о деньгах, понимаешь ли. Я к тому, если бы у тебя была высокооплачиваемая работа.

— Яхту бы, наверное, купил. Обошел бы вокруг света. Всегда мечтал это сделать. Когда я был значительно моложе, мне довелось побывать в Париже.

— Ну и как тебе Париж?

— Недурственно.

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ (13)

У Вас есть собака, которую Вам «ненадолго» оставил приятель несколько лет тому назад: попросил присмотреть за ней и исчез.

Теперь собака состарилась. Вы не чувствуете к ней особой симпатии. Зубы у нее сточились, она издает особые хрипящие звуки, есть проблемы с едой и туалетом. Иногда лапы плохо повинуется ей, так что Вам приходится поднимать и спускать пса по лестнице.

Да и собака-то так себе, что по внешности, что по поведению. У животного начисто отсутствует то, что Вы всегда считали собачьим благородством. Это нервное, трусливое создание, которое то и дело заливается истерическим лаем.

Когда лапы перестали подчиняться собаке, Вы решили отнести ее в ветеринарную клинику.

Собака прожила уже несколько лет сверх нормы, говорят Вам. Она почти ничего не видит и практически глуха.

Вам подворачивается сейчас удобный случай попросить ветеринара усыпить животное. Однако собака, похоже, не больна. Если не считать небольших неудобств с тасканием ее по лестнице, с ней можно жить. Ветеринар говорит, что такое состояние продлится год-другой. Вам становится дурно при одной только мысли, что придется присутствовать при агонии животного, когда ему придет время умирать. Может, лучше попросить ветеринара усыпить собаку прямо сейчас?

Какое решение Вы примете?